

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Наши разногласия

5. М. А. Бакунин

Не так рассуждал Бакунин¹. Он понимал, что воздействие революционной интеллигенции на народ возможно лишь при наличии известных исторических условий, лишь при существовании в самом народе более или менее сознательного стремления к социалистическому перевороту. Поэтому он исходил из сравнения «народных идеалов» с идеалами нашей интеллигенции, конечно, анархического направления.

По его мнению, в русском народе существуют в самых широких размерах те два элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. «Он может похвастаться чрезмерной нищетой, а также рабством примерным (sic). Страданиям его нет числа, и переносит он их не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и пугачевским бунтом, и не перестающим поныне проявляться в непрерывном ряде частных крестьянских бунтов»*. Совершить победоносную революцию ему мешает не «недостаток в общем идеале, который был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель». Если бы такого идеала не было, «если бы он не выработался в сознании народном, по крайней мере в своих главных чертах, то надо было бы отказаться от всякой надежды на русскую революцию, потому что такой идеал выдвигается из самой глубины

* «Государственность и анархия», примечание А, стр. 7. [здесь и далее ссылки на издание: Государственность и анархия: [Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих]. Введение. Ч. 1. [Женева], 1873. [2]. 308, 24 с. (Изд. Социально-революционной партии. Т. I)].

народной жизни, есть непременно образом результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы и вместе с тем есть как бы образное и общепонятное, всегда простое, выражение его настоящих требований и надежд... если народ не выработает сам из себя этого идеала, то никто не будет в состоянии ему его дать». Но «нет сомнения», что такой идеал существует в представлении русского крестьянства, «и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты».

Автор «Государственности и анархии» насчитывает шесть «главных черт» русского народного идеала: три хороших и три дурных. Присмотримся к этой классификации повнимательнее, так как мирозерцание М. А. Бакунина наложило свой отпечаток на взгляды многих из тех наших социалистов, которые никогда не были его последователями или даже выступали в качестве его противников.

«Первая и главная черта — это всенародное убеждение, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее своим трудом. Вторая столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта одинаковой важности с двумя предыдущими, это — квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление, и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству».

«Вот три главные черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему, они вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские. Однако русский народный идеал омрачен тремя другими чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно (*Nota bene*) затрудняют и замедляют осуществление его... Эти три затемняющие черты; 1) патриархальность; 2) поглощение лица миром; 3) вера в царя... Можно было бы прибавить, в виде четвертой черты, христианскую веру, официально-православную или сектаторскую, но... у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе»*.

Против этих-то отрицательных черт народного идеала и должны бороться «всеми силами» русские революционеры, и такая борьба «тем возможнее, что она уже существует в самом народе».

Уверенность в том, что сам народ начал уже борьбу против отрицательных «черт» своего идеала, представляла собою очень характер-

* «Государственность и анархия», примечание А, стр. 10.

ную «черту» всей программы русских бакунистов. Она являлась соломинкой, за которую хватались они, чтобы спастись от логических выводов из их собственных посылок и от результатов сделанного М. А. Бакуниным анализа народного идеала. «Ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего в нем уже не существует не только в зародыше, но даже в некоторой степени развития» — читаем мы в «примечании А», столько раз уже цитированном нами. Оставаясь последовательным, русский бакунист должен был бы «отказаться от всякой надежды на русскую революцию», если бы народ сам не заметил «затемняющих черт» своего идеала и если бы его недовольство этими чертами не достигло уже «некоторой степени развития». Понятно поэтому, что в эту сторону должна была направиться вся диалектическая сила родоначальника русского «бунтарства».

Нужно заметить, кроме того, что в этом пункте М. А. Бакунин был очень недалек от вполне правильной постановки вопроса о шансах социально-революционного движения в России и от серьезного, критического отношения к характеру и «идеалам» нашего народа. Такого критического отношения именно и не доставало русским общественным деятелям. Еще А. И. Герцен поражался отсутствием сколько-нибудь определенной и общепринятой характеристики русского народа. «Иные говорят только о всемогуществе царя, о правительственном произволе, о рабском духе подданных; другие утверждают, напротив, что петербургский империализм не народен, что народ, раздавленный двойным деспотизмом правительства и помещиков, несет ярмо, но не мирится с ним, что он не уничтожен, а только несчастен, и в то же время говорят, что этот самый народ придает единство и силу колоссальному царству, которое давит его. Иные прибавляют, что русский народ — презренный сброд пьяниц и плутов; другие же уверяют, что Россия населена способною и богато одаренною порою людей»*.

С тех пор, как были впервые написаны цитированные мною строки, прошло уже тридцать лет, а между тем и до сих пор и не только иностранцы, которых имел в виду Герцен, но и русские общественные деятели придерживаются диаметрально противоположных взглядов на характер и «идеалы» русского народа. Нет ничего удивительного, конечно, в том, что всякая партия склонна преувеличивать сочувствие народа к ее собственным стремлениям. Но ни во Франции, ни в Германии, ни в какой-либо другой западной стране нельзя

* «Русский народ и социализм», Лондон, 1858, стр. 7–8 [ссылка на издание: Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле Искандера. Пер. с фр. Лондон: Трюбнер, 1858. [4], 49, [2] с.].

встретить того противоречия во взглядах на крестьянство, какое нас поражает в России. Это противоречие ведет подчас к весьма забавным недоразумениям. Различие в социально-политическом мирозерцании людей самых противоположных направлений определяется часто одним только различием в понимании «народных идеалов». Так, например, г. Катков и г. Аксаков² согласились бы с г. Тихомировым³ в том, что «политическая программа... должна брать народ, каков он есть, и только в этом случае будет способна производить воздействие на его жизнь». Затем, редактор «Руси» мог бы принять, что «на 100 миллионов жителей» у нас «приходится 800.000 рабочих, объединенных капиталом», как уверяет г. Тихомиров в своей статье *«Чего нам ждать от революции?»*; редактор же *«Московских Ведомостей»* счел бы, может быть, эту оценку слишком низкой и указал бы на многие неточности в статистических выкладках г. Тихомирова. Тем не менее и тот, и другой подписались бы обеими руками под тем мнением, что Россия — страна земледельческая, что к ней не приложимы результаты «анализа общественных отношений, сделанного... в капиталистических странах Европы», что толковать о политическом и экономическом значении русской буржуазии смешно и нелепо, что русские социал-демократы осуждены на «положение поистине трагическое», и что, наконец, говоря о том, «каков есть» народ, нужно иметь в виду именно наше крестьянство. Несмотря, однако, на то, что мирозерцание литературных представителей наших крайних (в различные стороны) партий «охватывает взгляды, в некоторой мере» тождественные между собою, выводы, делаемые ими из своих посылок, оказываются диаметрально противоположными. Пишет о народе г. Тихомиров, — и мы с удовольствием узнаем, что, «разочаровываясь в самодержавии царей», народ наш может перейти «только к самодержавию народа», что «в революционный момент наш народ в политическом отношении не может оказаться раздробленным, когда речь пойдет об основном принципе государственной власти. Точно так же он окажется совершенно единодушным в экономическом отношении по вопросу о земле, т. е. по вопросу основному для современного русского производства» (sic). Веселое настроение духа окончательно овладевает нами, когда мы читаем, что «ни по нравственной силе, ни по ясности общественного самосознания, ни по вытекающей отсюда исторической устойчивости — мы ни один из наших общественных слоев не можем поставить рядом с крестьянско-рабочим классом», что «впечатление интеллигенции не обманывает ее, и в момент окончательной развязки современной путаницы политических отношений народ, конечно, выступит более сплоченным, чем хотя бы прославленная (кем?) буржуазия».

Мы видим, что народ «хочет хорошо», как уверял когда-то француз один русский писатель, и, преисполненные радостью, готовимся уже грянуть — «гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс!»⁴, как вдруг нам попадает на глаза «Русь» — и мы опускаемся с неба на землю. Оказывается, что народ «хочет» совсем скверно. Он боготворит царя, отстаивает телесные наказания, не помышляет ни о каких революциях и готов немедленно разносить в прах гг. народолюбцев, как только относительно их получится «строгая телеграмма». В ссылках на современную действительность, и даже на историю, здесь, как и в статьях г. Тихомирова, нет недостатка. Что за странность! Обращаемся к известным своим беспристрастием исследователям народной жизни, вроде г. Успенского⁵, и наше разочарование только усиливается. Мы узнаем, что народ наш находится под «властью земли», которая заставляет его довольно логически умозаключать к абсолютизму, не делая даже намека на переход к «самодержавию народа». Тот же г. Успенский убеждает нас, что не только у таких крайних полюсов, как гг. Аксаков и Тихомиров, но и у людей одинаковых, приблизительно, воззрений существуют диаметрально противоположные взгляды на народ.

Чем же обуславливается все это вавилонское столпотворение, вся эта путаница понятий?

Бакунинская классификация различных сторон «народного идеала» дает нам довольно вероятное объяснение. Все дело в том, что г. Тихомиров кладет в основу своих социально-политических рассуждений некоторые положительные «черты» этого идеала (те самые, которые «по существу своему вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся в сознании пролетариата латинских стран»): «всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, и что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами». И хотя автора статьи «Чего нам ждать от революции?» не особенно обрадовала бы третья черта, «одинаковой важности с двумя предыдущими», т. е. «решительно враждебное отношение к государству», но эта вражда в самой бакунинской классификации является лишь следствием «квазиабсолютной автономии общинного самоуправления», на которое опираются многие надежды г. Тихомирова*. О «затемняющих» чертах народного идеала (патриархальность, поглощение лица миром, «суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем

* «Крестьянство умеет устроить свое самоуправление, умеет принять в мирское владение землю и общественно распоряжаться ею», «В. Н. В.» [«Вестник "Народной воли"» выходил в Женеве в 1883–86 гг., №№ 1–5] № 2, стр. 225.

с невежеством», нищетою и т. д.) наш автор или ничего не знает, или ничего не хочет сообщить своим читателям. Г. Аксаков поступает наоборот. Он строит свою аргументацию именно на этих последних «чертах», забывая или умалчивая о противоположных. Статьи г. Успенского также перестают приводить нас в изумление. Он сопоставил Ормузда с Ариманом⁶, дурные стороны идеала с хорошими, и пришел в тупой переулочек «власти земли», из которого нет, по-видимому, выхода ни крестьянину, ни всей России, которая стоит на крестьянине, как земля «на трех китах»; изображенные же им народолюбцы опять-таки видели — кто светлые, а кто «несчастные» черты народного характера и идеала, а потому и не могли придти ни к какому соглашению. Все это совершенно понятно, и нельзя не поблагодарить покойного Бакунина за тот ключ, который он дал нам для понимания односторонности как его собственных последователей, так и большей части наших народников вообще.

Но Бакунин недаром изучал когда-то немецкую философию. Он понимал, что предложенная им классификация «черт народного идеала» — берем ли мы одни хорошие, или одни «несчастные», или, наконец, и счастливые и «несчастные черты» — объясняет только китайскую сторону вопроса. Он понимал, что народ нужно «брать» не «каков он есть», а каким он *стремится стать и становится* под влиянием данного исторического движения. В этом случае Бакунин был гораздо ближе к Гегелю, чем к г. Тихомирову. Он не удовлетворялся тем убеждением, что именно «таков есть» народный идеал, но озаботился изучением «черт» этого идеала в их развитии, в их взаимном соотношении. Именно в этом пункте он был, как я сказал выше, очень недалек от правильной постановки вопроса. Если бы он надлежащим образом применил диалектический метод к объяснению народной жизни и народного мирозерцания, если бы он лучше усвоил ту «доказанную Марксом несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал и предшествует... политическому праву», а следовательно, и социально-политическим идеалам «народов», если бы он своевременно вспомнил, что «в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса»*, то мне не пришлось бы, вероятно, спорить с г. Тихомировым, так как от «бакунизма» не осталось бы и следа.

Но Бакунину изменила диалектика, или, вернее, он изменил ей.

* «Государственность и анархия», стр. 223–224.

Вместо того, чтобы исходить из «экономических фактов» в своем анализе социально-политического идеала русского народа, вместо того чтобы ожидать переработки этого *старого* «идеала» от влияния *новых* тенденций в экономической жизни народа, автор «Государственности и анархии» устанавливает совершенно произвольную иерархию «недостатков» народного идеала, стараясь найти такую комбинацию «несчастных» его «черт», при которой одна из них нейтрализуется или даже совершенно уничтожается другою. Это превращает всю его аргументацию в совершенно произвольную игру совершенно произвольными определениями. Автор, бывший, казалось, так недалеко от истины, вдруг удалился от нее на бесконечное расстояние по той простой причине, что он лишь *чувствовал* необходимость диалектической оценки народного миросозерцания, но не сумел или не захотел *сделать* ее. Вместо ожидаемой диалектики явилась на сцену софистика. «Бакунизм» был спасен, но выяснение задач русской революционной интеллигенции не подвинулось ни на один шаг вперед.

Иерархия различных недостатков народного идеала устанавливается таким образом. «Поглощение лица миром и богопочитание царя собственно вытекают, как естественные результаты... из патриархальности». Сама община оказывается «ничем иным, как естественным расширением семьи, рода»*, а царь — «всеобщим патриархом и родоначальником, отцом всей России». Именно *поэтому* власть его безгранична». Отсюда понятно, что патриархальность оказывается «главным, историческим злом», против которого мы обязаны «бороться всеми силами». Но как бороться «против исторического зла» анархисту, не имеющему «намерения и ни малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного им самим»? Не иначе, как опираясь на историческое развитие народного идеала. Но способствует ли развитие русского народного идеала устранению из него затемняющей черты патриархальности?

* М. А. Бакунин, очевидно, и не подозревал, что община является в истории раньше патриархата и существует у народов, не имеющих и тени «патриархальности». Впрочем, эту ошибку он разделял со многими из своих современников, например, с Родбертусом¹, а пожалуй, и с Лассалем, который в своей схеме истории собственности, «System der erworbenen Rechte» [«Система приобретенных прав»], t. I, S. S. 217–223) совсем не упоминает о первобытной общине.

Примеч. ко 2-му изданию. Повторяю, что русская сельская община не имеет ничего общего с первобытной общиной. Но в начале восьмидесятых годов это еще не было установлено. — Г. П.

Несомненно, и именно вот каким образом: «война против патриархальности ведется ныне чуть ли не в каждой деревне и в каждом семействе, и община, мир до такой степени обратились теперь в оружие ненавистной народу государственной власти и чиновнического произвола, что бунт против последних становится вместе с тем и бунтом против общинного и мирского деспотизма*. Не смущаясь тем, что борьба против общинного деспотизма не может не пошатнуть самого принципа общинного землевладения, автор считает вопрос окончательно решенным и уверяет, что «остается богопочитание царя», которое «чрезвычайно поприелось и ослабло в самом сознании народном за последние десять или двенадцать лет», даже не потому, что пошатнулась «патриархальность», а «благодаря мудрой и народолюбивой политике Александра II благодушного». После многих испытаний русский народ «начал понимать, что у него нет врага пуще царя». Интеллигенции приходится только поддерживать и усиливать это антицарское направление в народной мысли. В заключение, той же интеллигенции рекомендуется бороться против еще одного «главного недостатка», не упомянутого при выше цитированном перечислении черт народного идеала. Недостаток этот, «парализирующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России, это — замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских миров»... Если принять во внимание, что «разъединение крестьянских миров» есть результат того обстоятельства, что «каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие чего ни одна из общин не имеет, да и не *чувствует*** надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи», что «соединяются они между собою только посредством батюшки-царя, только с его верховной, отеческой власти», то приходится сознаться, что на интеллигенцию возлагается нелегкая задача. «Связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей... между собою, и там, где это возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством»... сделать так, «чтобы лучшие или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости и каждой области знали таких же крестьян всех других деревень, волостей, областей»... «убедить их в том, что в народе живет несокрушимая сила, которая могуча, только когда она собрана и действует одновременно... и что до сих пор она не была собрана»; связать и организовать «села, волости, области по одному общему плану и с единою целью всенарод-

* «Государственность и анархия», примечание А, стр. 18.

** Курсив принадлежит мне (Г. П.).

ного освобождения», — словом, прибавить несколько новых, очень хороших «черт» к народному характеру и идеалу и устранить из них несколько коренных недостатков, это — работа, достойная титанов! И за это-то гигантское предприятие приходится браться в том убеждении, что «нужно быть олухом царя небесного или неизлечимым доктринером для того, чтобы вообразить себе, что можно что-нибудь дать народу, подарить ему какое бы то ни было материальное благо или новое умственное или нравственное содержание, новую истину и произвольно дать его жизни новое направление или, как утверждал... покойный Чаадаев, писать на нем, как на белом листе, что угодно»¹... Можно ли вообразить более вопиющее противоречие между теоретическими положениями «программы» и намеченными ею практическими задачами?

Людам, не желавшим окончательно разрывать с логикой, оставалось или отказаться от практической части этой программы, удерживая основные ее положения, или преследовать указанные ею практические задачи, стараясь подыскать для них новое теоретическое обоснование. Так оно и вышло впоследствии.

